

УДК 32:070:004:056

Информационный суверенитет и свобода слова в контексте политической модернизации в современной России

А. В. Россошанский

*Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов*

Статья посвящена анализу понятия «информационный суверенитет» государства и общества и его соотношению с понятием политического суверенитета в контексте модернизации в современной России.

Ключевые слова: информационный суверенитет, политический суверенитет, свобода слова, либерализм, политическая модернизация, процессы глобализации.

Одной из важнейших проблем современной политической науки является проблема информационного взаимодействия власти и общества и соотношения информационного и политического суверенитета государства. В рамках данной статьи обозначим наше представление о сути и свойствах категории «информационного суверенитета» государства и общества в контексте внутренних алогизмов в политической теории либерализма и в либеральных политических практиках [подробнее обоснование понятия см.: 7, с. 88–92].

Это представляется важным в контексте тех дискуссий [1; 3; 5; 6; 8; 9 и др.], которые отечественные политологи, социологи, философы, юристы и историки ведут вот уже много лет о возможностях и вариантах модернизации российского общества. Видение перспектив результативности модернизации и достижения российским государством правового состояния сегодня определяется желанием общества, науки, политических элит не оторваться от тех стратегий государственного строительства, которые в последние два столетия в целом успешно, хотя и не без революционных потрясений и реформ, реализовывали «западные» социально-политические системы. И одновременно существует понимание принципиальных отличий. По мнению отечественного исследователя Е. А. Лиманского, «если в Европе человек соотносит себя в первую очередь с непосредственно окружающим его социальным пространством, то для граждан России первичной социальной реальностью является не локальное сообщество и не регион, а государство в целом» [4, с. 139].

Несмотря на доминирование в политологическом дискурсе преимущественно либерально ориентированных позиций в отношении модели модернизации России [1, с. 8–32; 9, с. 76–89], все большее распространение в научном сообществе находит понимание того, что современный мир политики предос-

твояет возможность российской социально-политической системе не воспроизводить этот опыт буквально. В рамках такого подхода обосновывается целесообразность заимствовать из западного опыта то, что соответствует не только намерениям общества и элит модернизировать Россию, но и социокультурным особенностям общества [5, с. 6–23; 8, с. 5–20]. В соответствии с таким ракурсом обосновывается отказ от несправедливых, с точки зрения российской культурной традиции, механизмов и принципов распределения власти, собственности и прав, которые могут привести Россию к тем же «граблям» социальных конфликтов и политических кризисов, на которые регулярно наступали европейцы со времени буржуазных революций 30–40-х гг. XIX в. (вплоть до появления на почве либеральной европейской политики фашизма и нацизма и Второй мировой войны, порожденной ими). Европейцы и сегодня не перестали наступать на те же «грабли», пытаясь участвовать вместе с США в геополитическом процессе насаждения либеральной демократии силой там, где это насаждение провоцирует регресс социально-политических систем (переход власти из рук светских элит в руки религиозных фанатиков и военных), архаизацию культуры, права, экономики. Поэтому вполне разумно в поведении нынешних российских политических элит то, что они с оглядкой на собственный исторический опыт России подходят к вопросу практического употребления демократического опыта Запада.

Одним из дискуссионных моментов модернизации представляется абсолютизация информационной составляющей. «Электронное правительство», «электронная демократия», «сервисное государство» видятся современным политологам и специалистам по социальному менеджменту очень перспективным решением. Тем решением, которое позволит применением информационной технологии решить задачи коммуникации общества и государственной власти «в обход» бюрократических структур, исключить бюрократию как посредника из модели правового государства и даже поставить ее под общественный контроль. «На самом деле, – пишет отечественный политолог С. В. Зернов, – существует две возможности – позволить социальным паразитам (т. е. бюрократии. – А. Р.) организовать очередную социальную катастрофу или воспользоваться возможностью для очищения от социального паразитизма систем государственного управления. ...Безусловно, такая возможность существует, но может реализоваться лишь при выполнении двух условий. Необходимым условием является наличие новой технологии организации социального управления, позволяющей радикально увеличить эффективность механизмов социального, и в частности государственного, управления. Такой механизм существует и может быть реализован при создании сервисного государства, в котором все ветви власти содержат в себе механизмы обратной публичной связи с потребителями их сервиса (законодательного, исполнительного, судебного и т. д.). Достаточным условием является скорость распространения идей сервисного государства среди граждан и представителей системы государственного управления, что может быть обеспечено посредством социальных сетей, активно использующих современные информационные технологии» [2, с. 172].

Предложения такого рода решений очень редко, к сожалению, сопровождаются полноценным анализом рисков от их реализации. Политическое влияние бюрократии, безусловно, будет уменьшаться, но в той же мере неизбежно будет возрастать роль тех структур, под контролем которых находятся информационные технологии (бизнеса и СМИ, в частности). Обладание «информационным суверенитетом» даст новой политической элите, рекрутированной из работников СМИ, бизнесменов, программистов и специалистов по сетевым коммуникациям, определенные мощные рычаги влияния на поведение и мышление граждан. Но вопросы: «Государственная ли это власть, политическая ли это власть, власть ли это, или кучка самозванцев?» в массовом сознании неизбежно останутся.

Имидж политической власти можно создать средствами информационных технологий, можно даже сделать его относительно устойчивым. Но сам по себе имидж не может быть самодостаточным основанием политики, поскольку представляет собой лишь образ, дизайнерское усовершенствование того, что обычно называют легитимностью политической власти и что обозначает, в сущности, источник и меру ее суверенности в демократических системах.

Для легитимности любой политической власти одним из главных оснований выступает ее историчность, наличие у нее опыта властвования. Именно он позволяет гражданину, даже если в данный момент он не нуждается в сервисных услугах власти, или его услуги власти чем-то не устраивают, рассуждать конструктивно и лояльно. В том смысле, что данная власть, даже если не решает сейчас моих проблем, обладает необходимыми способностями их решить хотя бы в будущем, поскольку у нее есть богатый опыт решения аналогичных проблем в прошлом. Легитимность и политический суверенитет в данном случае выступают как «связь времен», как суть того, что можно называть живой историей.

Информационный суверенитет, при всей его значимости для современного политического процесса и для политической субъектности его акторов, не способен все это компенсировать. Уже потому, что на место централизованной системы управления (плохо ли, или хорошо, но управляемой бюрократией, которой не на кого переложить ответственность за управленческие решения и их последствия и которая исторически всегда один на один с обществом) предлагается поставить децентрализованную систему, в которой политический суверенитет будет предметом постоянной конкуренции самых разных субъектов с неполитическим происхождением. А информационный суверенитет будет инструментом и смыслом такой конкуренции. Причем нетрудно спрогнозировать перспективу замещения привычного смысла политики как организованного действия (нравится оно обществу или нет, устраивает ли нас этот уровень организованности – другой вопрос) организованными разговорами о действии. Последнее в принципе может устраивать только тех, кто эти разговоры будет организовывать.

Такой новый формат политики, основанный на конкуренции за «информационный суверенитет», очень трудно связать с теми представлениями о

политике как сфере реальных интересов и реальных дел, который присутствует в массовом сознании. И очень сложно будет рядовому гражданину (особенно той массе граждан, которые в российской «глубинке» до сих пор не охвачены, порой, элементарными почтовыми услугами и услугами мобильной связи) в этих массовых и сверхскоростных информационных коммуникациях по поводу государства, политики и прочим поводам, уловить нечто «сервисное» и вообще для себя полезное.

Вдвойне это трудно уловить будет еще и потому, что у каждого производителя и носителя информации, выходящего с ней на рынок социальных интересов и запросов, естественным условием заявления о своем «информационном суверенитете» будет предоставление информации, максимально отличной по качеству и содержанию от той, что предоставляют конкуренты. Гражданину трудно будет определить, стоит ли вообще что-либо реальное за теми информационными потоками, которые обрушиваются на его голову. Политически мыслящий гражданин постоянно будет пребывать в сомнении. Если мы уже сегодня имеем массу катастрофических последствий от сервисных услуг финансовых рынков и называем это «надуванием финансовых пузырей», говорим, что делание денег из денег – это не реальная экономика, а экономические спекуляции на жадности, страхе и иных людских пороках, то как надеяться на иное при надувании «пузыря» информационных услуг? Точно так, как надувание финансовых пузырей привело к современному кризису страны либеральной демократии, к этому же может привести и надувание информационных пузырей.

Устранение бюрократии и акцент на доминировании информационных структур актуализируют проблемы информационной безопасности не только в тех аспектах, которые касаются защиты политического пространства от разного рода проявлений экстремизма в вопросах морали, политики, бизнеса, права и т. д. Становясь доминирующим ресурсом политического влияния, политической суверенности, информация, как мощный инструмент, становится опасной сама по себе, в любом из своих формальных или сущностных измерений. Она уподобляется лекарству, которое эффективно решает проблемы организма, пока этот организм не погибает от передозировки.

Использование в политическом анализе категории «информационный суверенитет» дает исследователю понять природу и закономерности возникающих в политической системе рисков и создает определенные теоретические основания для критического отношения к различным инновационным проектам переустройства проблемного мира политики в «мир без проблем», какими бы внешне прогрессивными и супертехнологичными они не выглядели. А это уже возможность более взвешенного подхода к вопросу о технологиях и стратегиях придания нынешнему российскому государству статуса правового государства. Само по себе самое активное вовлечение рядовых граждан в обсуждение на сайтах и порталах их возможностей по получению государственных услуг никоим образом не решает проблему тех же денег, других ресурсов, которые должны быть произведены и добыты прежде, чем

будут направлены на обеспечение той или иной услуги, которая потребуется гражданину.

Для политической науки появляется возможность предложить собственное объяснение феномена нахождения государства в центре того пространства ценностей, по отношению к которому себя политически идентифицирует российский гражданин, а собственно гражданских ценностей (свободы, справедливости, безопасности и т. д.) на периферии, тяготеющей к этому центру. Формально новые информационные и экономические технологии, используемые в качестве инструментов активизации гражданского участия в политической жизни современных либерально-демократических государств, должны были бы придавать прямо противоположную направленность движению ценностного поля политики. Государство исторически, как никакой другой современный политический субъект, обладает легитимной возможностью информационного суверенитета и возможностью определять меры информационной суверенности других субъектов политики. Оно обладает инструментами, позволяющими держать под контролем и просто сдерживать естественное желание многих обладателей информации использовать ее в собственных интересах в ущерб другим участникам политики.

В том, что сегодня рядовые граждане склонны больше доверять информации, распространяемой по информационным каналам, которые в той или иной мере контролирует государство, можно увидеть проявление «патриархальной», «архаической», «подданнической», или какой-то другой «плохой» ментальности, свойственной российским гражданам. А можно увидеть доверие к государству, основанное на разумном предположении, что оно, как субъект, чье влияние в политике основано на использовании исторически опробованных технологий, как субъект, который заинтересован в политике реальных дел, будет отсеивать информацию, за которой ничего реального и полезного для общества не стоит. Оно обладает способностью использовать собственный спектр ценностей, атрибутируемый как «государственный интерес», для обозначения условий конкуренции различных информационных суверенитетов всех прочих субъектов политики. Оно обладает материальными и техническими средствами для перекрытия информационных потоков и фактически неограниченного (ограниченного только техническими и финансовыми возможностями) создания новых, т. е. для неограниченного создания комбинаций информации, при которых другие субъекты политики без принуждения и даже активно начинают действовать так, как в этом заинтересованы государственные институты.

Дискуссии о том, хорошо ли вообще то, что государство контролирует информационные потоки, и если это хорошо, то как соблюсти здесь разумную меру, будут вестись всегда, потому что сами по себе они являются инструментами формирования в сознании общества и элит устойчивого представления о конфигурации информационного пространства политики, о рисках, возникающих в этом пространстве, и об информационной безопасности как естественной составляющей национально-государственной безопасности.

Если рассматривать стремление государства контролировать информационные потоки само по себе, в отдельности от стремления обеспечить свой политический суверенитет, то оно будет выглядеть именно так, как часто его представляют политические публицисты на страницах «независимой прессы»: государство, которое «подгрело» под себя все, что только можно, хочет отнять у своих граждан последнее: возможность чувствовать себя людьми, реализовывать свою свободу в виде свободы доступа к информации.

Все приходит в норму, если видеть в этом стремлении государства контролировать информационные потоки естественное продолжение тех мер и усилий, которые оно предпринимает для обеспечения безопасности своего политического суверенитета (в условиях глобализации и нарастания межцивилизационных конфликтов) по разным направлениям своей деятельности.

Политическая система современных социумов нормально функционирует в случае, если общество и власть приходят к своего рода «общественному договору» относительно того, в каких направлениях государственной политики и общественной самодеятельности авторитарное администрирование и принуждение доминируют над свободным выбором граждан, а в каких, наоборот, максимально высвобождается гражданская инициатива. Либеральная демократия, при всех своих очевидных недостатках, не скоро перестанет быть ориентиром развития современных социально-политических систем уже потому, что она своими принципами, нормами и институтами оптимально обеспечивает формирование и воспроизводство такого «общественного договора». Предметом «договора», таким образом, является определенная пропорция: потенциал авторитаризма в политике накапливается на том полюсе, на котором возникает больше угроз общественной и государственной безопасности и ослабевает там, где уровень опасности снижается. Представляется, что такой ракурс исследования проблемы «открытости власти», если его использовать в практике политических исследований, будет значительно продуктивнее подходов, распространенных в политологической литературе сегодня. В их основе лежит априорное предположение, что чем больше информации о мелких и мельчайших деталях функционирования властного механизма обрушится на голову рядового гражданина, тем выше будет уровень его доверия власти и его гражданский энтузиазм. Ракурс, предлагаемый нами, позволяет дополнить дискуссии, которые идут в среде политологов, постановкой вопроса об оптимальной мере информационной открытости власти и ее открытости вообще.

Поскольку в современном мире информация становится одним из ключевых структурных элементов как в процессах легитимации политики, так и в процессах ее деструкции, то потенциал информационных угроз для суверенитета любого политического субъекта (рядового гражданина тоже, что не всегда учитывают борцы за абсолютную свободу доступа граждан к информации) достаточно велик. Соответственно, в самом социуме образуется устойчивый слой граждан, поддерживающих стремление государства контролировать информацию на максимально доступном ему уровне. Такая поддержка вполне согласуется с их опасениями пострадать от неконтролируемого дви-

жения информационных потоков (личная жизнь, бизнес, моральные и религиозные ориентации). Именно апелляция к мнению этого слоя граждан позволяет государственной элите ощущать легитимность своих усилий по выстраиванию информационной политики в русле своих интересов, осознанных как интересы государства.

Считать ли слой граждан, чья позиция легитимирует позицию государства в информационной политике, многочисленным или малочисленным, вопрос трудный. Нам не удалось обнаружить специальных исследований социологического характера, в которых бы, например, анализировались структура и масштабы общественных фобий в отношении политической информации, поступающей по официальным и неофициальным каналам. Социологи сегодня больше внимания уделяют выявлению ценностных ориентаций граждан в политике безотносительно к вопросу об их происхождении. Хотя очевидно, что эти ценностные ориентации не возникают сами по себе и нетрудно предположить их источник.

В модернизирующемся обществе таким источником всегда служит столкновение информационных потоков. Одни из этих потоков идут из глубины самих общественных структур и несут информацию о ценностях, благодаря ориентации на которые общество выживало в прошлых сложных политических ситуациях. Другие информационные потоки, несущие информацию о тех ценностях, без которых социум не сможет развиваться в будущем, создаются политическими институтами, заинтересованными в модернизации. А то, как это столкновение информационных потоков выглядит в реальном политическом процессе, насколько оно заряжено конструктивным или же деструктивным потенциалом, напрямую зависит от институционального дизайна медийного поля, от того, какие СМИ, в каком количестве, с какой технической вооруженностью, финансовой поддержкой и идеологической ориентированностью действуют в данном конкретном государстве. Появляется, вообще говоря, теоретическая основа для объективной оценки оптимальной меры вторжения государства в регулирование информационной сферы.

1. Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью // Вестн. обществ. мнения. – 2008. – № 1. – С. 8–32.

2. Зернов С. В. Сценарий перехода к сервисному государству // V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы»: тез. докл. Москва, 20–22 ноября 2009 г. – М., 2009. – С. 172.

3. Кива А. В. Многоликость российской модернизации // Обществ. науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 42–51.

4. Лиманский Е. А. Влияние регионализации на формирование федеративных отношений в России // Ползуновский

1. Gudkov L. Society With Partial Insanity // Bulletin of Public Opinion. – 2008. – N 1. – P. 8–32.

2. Zernov S. V. Scenario for Transition to the Service State // The Vth Russian Congress of Political Scientists «Changes in Politics and Policy of Changes: Strategies, Institutions, Actors». Collected articles. Moscow, November 20–22nd 2009. – М., 2009. – P. 172.

3. Kiva A. V. The Diversity of Russian Modernization // Social Sciences and Contemporaneity. – 2011. – N 1. – P. 42–51.

4. Limanskiy E. A. Impact of Regionalization on the Formation of Federative Relations in Russia // Polzunovsk Almanac.

альманах. – 2005. – № 4. – С. 135–141.

5. *Межуев Б. В.* Перспективы политической модернизации в России // Полис. – 2010. – № 6. – С. 6–23.

6. *Розов Н. С.* Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики // Полис. – 2009. – № 3. – С. 34–46.

7. *Россошанский А. В.* Информационная составляющая политического суверенитета // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. – 2011. – Т. 11, вып. 4. – С. 88–92.

8. *Тихонова Н. Е.* Социокультурная модернизация в России // Обществ. науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 5–20.

9. *Трубицын Д. В.* «Мегатенденции мирового развития» или «модернизация»: методологическая дилемма // Полис. – 2010. – № 6. – С. 76–89.

2005. – N 4. – P. 135–141.

5. *Mezhuyev B. V.* Perspectives of Political Modernization in Russia // Polis. – 2010. – N 6. – P. 6–23.

6. *Rozov N. S.* Global Crisis within the Context of Mega-Tendencies of World Development and Perspectives of Russian policy // Polis. – 2009. – N 3. – P. 34–46.

7. *Rossoshanskiy A. V.* Information Component of Political Sovereignty // The News of Saratov State University. Series Sociology. Politology. – 2011. – Vol. 11, Issue 4. – P. 88–92.

8. *Tikhonova N. E.* Sociocultural Modernization in Russia // Social Sciences and Contemporaneity. – 2008. – N 3. – P. 5–20.

9. *Trubitzyn D. V.* «Megatendencies of World Development» or «Modernization»: Methodological Dilemma // Polis. – 2010. – N 6. – P. 76–89.

Information Sovereignty and Freedom of Speech within the Context of Political Modernization in Contemporary Russia

A. V. Rossoshanskiy

Saratov State University of N. G. Chernyshevsky, Saratov

The article examines the concept of «Information Sovereignty» of state and society and considers its correlation with the concept of political sovereignty within the context of modernization in contemporary Russia.

Key words: information sovereignty, political sovereignty, freedom of speech, liberalism, political modernization, globalization processes.

Россошанский Андрей Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, 410012, г. Саратов, ул. Вольская, 10 а, к. 523; тел. (845-2)213-660, e-mail: vil57@yandex.ru

Rossoshansky Andrey Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sciences, the Saratov State University of N. G. Chernyshevskiy, 410012, Saratov, Volskaya St., 10 a, room 523; phone (845-2)213-660, e-mail: vil57@yandex.ru